

Ю Дачунь всё прекрасно продумал: стоит ему только оказаться на поле боя, и заслуги сами посыплются на него. Идти вслед за армией-защитницей Севера — и подбирать остатки — это уже заслуга. Оставаться в тылу и помогать — тоже заслуга. Даже если он выследит и уничтожит небольшой отряд северных Ди, пусть даже самый малочисленный, это всё равно будут враги, а значит — заслуга! И Хо Янь не сможет его остановить!

Но он и представить себе не мог, что помешает ему не Хо Янь. Никто не ставил ему палки в колёса, просто он сам не мог приблизиться к битве!

Поле боя было подобно шахматной доске, постоянно меняющейся. Раньше он думал, что это лишь красивая метафора, но оказалось — это чистая правда! Битва не стоит на месте. Кто-то бежит, кто-то преследует, кто-то заманивает, кто-то попадает в ловушку, кто-то остаётся один, и его окружают. Ситуация постоянно меняется, и если у тебя недостаточно информации, нет чёткого плана и стратегического мышления, ты не сможешь предугадать действия противника и определить собственное направление.

Ю Дачунь, издали видя дым и огонь, повёл своих людей на восток. Когда они добрались, там уже никого не было — ни северных Ди, ни армии-защитницы Севера. Заметив, что битва разгорелась на западе, он поспешил туда, но нашёл лишь гору трупов. Подумав, что в центре уж точно кто-то должен быть, он направился туда, но оказалось, что у противника своя тактика — они рассредоточили свои силы, и чем шире был круг, тем лучше!

Ю Дачунь весь день носился по полю, измотался как собака, пропотел до нитки, но так ничего и не добился!

Хотел найти Хо Яня, но тот был занят — ему и своей армией управлять было некогда, куда уж до него?

Битва действительно была лёгкой, северные Ди бежали без оглядки, но вот урвать кусок славы оказалось совсем не просто. Хо Янь и не думал делиться!

Ю Дачунь в ярости швырнул свой меч и разбил лагерь прямо на месте. Он не верил, что, когда у Хо Яня закончится провизия, тот сможет продолжать воевать. Не нужно торопиться, придёт время, и слава сама придёт к нему в руки!

Одновременно он, сверкнув глазами, тут же отправил весточку. Дао Аньжань ведь обещал что-то придумать? Хватит тянуть, пора действовать!

Почтовый голубь вылетел из шатра Ю Дачуня. В то же самое время другие голуби взмыли в небо из лагеря главнокомандующего северных Ди...

Похоже, эта ночь для всех была очень напряжённой.

На границе Цзююаня шла большая война, а у перевала Юньчжун, где стояла армия семьи Чжан, царил тишина. Даже снег здесь шёл реже, чем в других местах.

Так было уже много лет, и все к этому привыкли.

Северные Ди, если и нападали, то только на Цзююань, потому что там граница была широкой и могла вместить многотысячную армию. А это маленькое место их не интересовало. Для внезапной атаки можно было использовать лишь небольшой отряд кавалерии, но даже в случае победы переброска основной армии заняла бы много времени. Хо Янь, узнав об этом, тут же пришёл бы на помощь, и, возможно, пока армия переправлялась бы через перевал, её бы уже разгромила армия-защитница Севера. Риск был слишком велик, а выгода сомнительна. Зачем это делать?

Этот бессмысленный перевал Чжан До охранял уже пять лет.

Семья Чжан была семьёй потомственных военачальников, из неё вышло немало знаменитых полководцев, чьи имена были вписаны в историю. Но что с того? При основании нынешней династии они упустили свой шанс, не оказали поддержки новому императору, и потому не получили ни титулов, ни земель. Они всегда были на вторых ролях. Сколько бы знаменитых полководцев ни вышло из их семьи, у них не было власти, их военные полномочия не были их собственными — император мог забрать их в любой момент. Он давал их, только когда был в хорошем настроении. Бедные солдаты, без власти и денег, у них была лишь вспыльчивость да слава предков. Но разве славой можно наесться? Целая семья должна была выживать, и они ничем не уступали другим. Почему же все блага доставались не им, а как только случалась беда, они должны были подставлять свои головы?

Солдаты — люди прямые, в отличие от учёных, которые вечно друг с другом враждуют. Они легко находят общий язык. Будучи солдатами Великой Ся и служа на севере, семья Чжан и князь-защитник Севера всегда поддерживали неплохие отношения. Но шесть лет назад, после той ужасной битвы, всё рухнуло, и между двумя семьями прекратились всякие контакты.

И всё потому, что в той страшной битве семья Чжан, хоть и участвовала, но ничем не помогла. Семья Хо потеряла так много людей, а в армии семьи Чжан, от главнокомандующего до простого солдата, никто не пострадал. Как тут не затаить обиду?

Но на поле боя ситуация меняется каждое мгновение, как тут разобраться? Им, семье Чжан, просто повезло, они не столкнулись с основными силами противника. Они выжили. Связи не было, они не знали, где находятся разрозненные отряды армии-защитницы Севера, и не могли им помочь. В чём их вина? Почему все должны расплачиваться? Почему их старый глава семьи был вынужден уйти в отставку, а у детей в их роду стало так мало шансов пробиться?

И всё потому, что князь-защитник Севера был слишком могуществен!

Какой там доблестный бог войны, спаситель северных земель, кошмар для северных Ди! Элегантный и благородный, всеми почитаемый! На самом деле — просто подлец! Мелочный, мстительный, подавляющий инакомыслящих! Хо Янь — просто мразь!

Чжан До швырнул на землю кувшин с вином, его глаза налились кровью. Как у них с князем-защитником Севера могло не быть вражды? Вражда была огромной! Он не раз думал о том, что было бы хорошо, если бы князь-защитник Севера умер. Умер, и на северной границе образовалась бы брешь в обороне. Его брат, Хо Цзе, ещё не вырос, ему только исполнится семь лет после нового года, какой из него военачальник? На кого сможет положиться император? Сколько во всём государстве полководцев, способных вести войну? Семья Чжан непременно бы возвысилась!

Почему Хо Янь до сих пор не умер? Когда же он умрёт?!

И в этот момент он получил тайное послание, прилетевшее на стреле. В нём было написано: «Не хотите ли сотрудничать?»

Прочитав две строчки, он, сжимая в руке записку, сел и стал размышлять. Его взгляд менялся, он становился всё более возбуждённым, всё более взволнованным. Почему бы и нет? Если это против Хо Яня, то конечно, нужно действовать! Но нельзя подставлять себя...

В этот момент его заместитель, Чжан Гуй, вдруг опустился перед ним на колени.

— Я готов взять это на себя, прошу вашего разрешения, молодой господин!

Чжан До посмотрел на своего верного заместителя и медленно закрыл глаза.

Чжан Гуй, видя, что тот не соглашается, выхватил у него из рук записку.

— Если дело выгорит, об этом никто не узнает. Если провалится, я возьму всю вину на себя и ни за что не впутая вас!

Чжан До открыл глаза, они были красными, его зубы стучали от напряжения. Казалось, ему было очень тяжело.

Чжан Гуй, стоя на коленях, сказал:

— Я сирота, которого вы спасли, молодой господин. У меня никого нет, и моя смерть ничего не значит. А вы — последняя надежда семьи Чжан, вы не должны рисковать!

Чжан До встал и тяжело хлопнул заместителя по плечу.

— Добрый брат.

Чжан Гуй ответил:

— Клянусь служить вам до смерти, молодой господин!

Чжан До был хитёр. Он был готов способствовать чужому делу, оказать небольшую помощь в нужный момент, даже передавать сообщения и предлагать лучшие варианты, но сам он в бой не вступал. Он лишь закрывал глаза, делая вид, что не замечает тайных сношений Ю Дачуня с северными Ди, не знает, что они замышляют и что уже сделали. В худшем случае его обвинят в «самовольном оставлении поста», в том, что он случайно пропустил через перевал отряд, не зная, куда тот направляется...

Все контакты и исполнение плана взял на себя его заместитель, Чжан Гуй.

Стоя на высоком холме и глядя на удаляющийся в сторону Цзююаня отряд кавалерии северных Ди, Чжан До смотрел им вслед с ненавистью и злорадством.

Не можешь убить Хо Яня, так убей его семью! Пусть Хо Янь хоть из железа, но когда вся его семья погибнет, и он останется один, что он сможет сделать?

Хо Янь... шесть лет назад тебе повезло, ты чудом выжил. На этот раз — умри!

В шатре северных Ди четвёртый принц Чи Хао, держа в руках свиток, спросил своего доверенного слугу, стоявшего рядом:

— Как продвигаются дела? Кавалерийский отряд уже выступил?

Слуга опустил на колени.

— Да! Всё идёт по вашему плану, господин!

Чи Хао усмехнулся.

— Очень хорошо. Чжан До и Ю Дачунь оказались весьма полезны. Похоже, многие планы можно будет осуществить раньше... Завтра утром снять белый флаг и начать с Хо Янем войну на истощение. Можно отступить, можно уходить, но барабанный бой не должен прекращаться!

В Цзююане царил напряжённая тишина.

Напряжённая из-за войны на границе. Любая война жестока, и всегда могут случиться непредвиденные случайности. Если князь-защитник Севера где-то ошибётся, Цзююань станет первой целью для внезапной атаки. Конечно, такое случалось редко, за последние шесть лет почти не бывало, но люди инстинктивно были настороже. Тишина же была оттого, что они не могли помочь, не могли пойти на поле боя, а значит, не должны были мешать.

Жители города жили своей обычной жизнью: работали, ели, спали. Но на улицах стало меньше болтающих бездельников, исчезли дебоширы, и даже мелкие кражи прекратились. Перед лицом войны жители Цзююаня были стойкими и сильными.

Гу Тин смотрел на этот ставший ещё более чистым и спокойным город и медленно выдохнул.

Это была родина Хо Яня. Он часто отсутствовал и редко устанавливал строгие правила, но одним своим примером он влиял на целую армию, на целый город. Этот город был похож на Хо Яня: спокойный и мудрый, на первый взгляд обычный и невозмутимый, но несокрушимый. Кто посмеет его тронуть, пусть попробует!

Подошёл У Фэн.

— Молодой господин, я всё разузнал.

— Ну и как?

— Торговля зерном снаружи полностью прекратилась. У нас запасов много, хватит и городу, и армии-защитнице Севера, если случится кризис. А кроме нас, больше всего зерна в резиденции Ю Дачуня.

Лицо Гу Тина не изменилось, очевидно, он ожидал такого.

— Внимательно следи, может... представится возможность это использовать.

У Фэн промолчал.

— Значит, вы позволили Ю Дачуню так нагло скупать зерно и не вмешивались, чтобы в нужный момент забрать всё себе?

Гу Тин улыбнулся.

— Это будет зависеть от поведения господина Юя.

Он подумал, что в прошлой жизни не слышал о продовольственном кризисе. Может, потому, что Хо Янь использовал Ю Дачуня? Ведь его, Гу Тина, здесь не было, а Ю Дачунь был. Те же люди, тот же образ мыслей. Если Ю Дачунь так поступил в этой жизни, то наверняка так же поступил и в прошлой. Он, посторонний, и то строит планы на счёт Ю Дачуня, неужели тогдашний Хо Янь этого не видел?

— Ю Дачунь уехал на поле боя за славой, кто управляет делами в его резиденции?

Это У Фэн знал.

— Говорят, его доверенный советник, по имени Дао Аньжань.

Гу Тин усмехнулся.

— Даомао Аньжань. Какое забавное имя. С ними ведь был ещё старый евнух? По имени Ли Гуй, вроде бы надзиратель. Он тоже уехал с Ю Дачунем?

У Фэн покачал головой.

— Не слышал.

Гу Тин нахмурился, чувствуя что-то странное. Ли Гуй был надзирателем, его задача — следить за армией, особенно во время войны. Некоторые, самые глупые, даже вступали в конфликт с главнокомандующим, пытаясь отобрать у него право командования и отдавая безрассудные приказы. Ю Дачунь уже был в армии, что Ли Гуй делал здесь? Ещё и передал всю власть в резиденции этому Дао Аньжаню? Он что, совсем не жаждал славы? Но если ему ничего не нужно, и он просто хочет спокойно дожить свой век, зачем в таком преклонном возрасте ехать в этот суровый северный край, а не оставаться во дворце?

Гу Тин почувствовал, что с этим старым евнухом что-то не так, и решил в будущем присмотреться к нему повнимательнее.

— А в резиденции князя-защитника Севера как дела?

У Фэн усмехнулся.

— За них можете не волноваться, молодой господин. Они, видимо, к войнам привыкли, у них всё в полном порядке, даже лучше, чем у нас.

Гу Тин кивнул. Так было лучше всего.

У Фэн, глядя на его лицо, тихо спросил:

— Молодой господин, хотите сходить туда, посмотреть?

Гу Тин удивлённо посмотрел на него.

— Зачем?

— Ну... молодой господин так равнодушен к князю, любит его, а значит, и всё, что с ним связано, вас беспокоит. Сейчас князя нет, вы волнуетесь и хотите посмотреть, как там дела. Никто вас не осудит, молодой господин, не стесняйтесь.

Стесняется? Кто стесняется? Он?!

Гу Тин в сердцах ударил слугу.

— Кто тебе сказал, что я к нему равнодушен?!

— А разве нет? — слуга, прикрывая голову, отскочил в сторону. — С самого нашего приезда в Цзююань вы только о нём и заботитесь, всё, что вы делаете, — всё для него. Он князь, все, кто его видят, падают ниц от благоговения, а вы ничуть его не боитесь, ещё и дерзите, грубите, цепляетесь, спорите и даже руки распускаете... Молодой господин, вы с самого детства ни с кем так себя не вели!

Гу Тин разозлился ещё больше и ударил его сильнее.

— Я не грубил! С тобой я с детства так себя веду!

У Фэн взвыл:

— Полегче, молодой господин, это же лицо! Я же ваш человек, живой — ваш, и мёртвый — тоже ваш. Вы, молодой господин, со мной близки, не держите обороны, не притворяетесь, иногда капризничаете, а что я могу поделать?

Гу Тин замер.

Значит... он капризничал с Хо Янем? Считал его своим, не держал обороны, не притворялся, вёл себя как хотел, ни о чём не думая?

— Случилось!

Дун Чжунчэн, придерживая полы халата, вбежал во двор, весь в поту, растрёпанный, не дожидаясь, пока его доложат, и не обращая внимания на то, чем заняты Гу Тин и его слуга.

— Враг у ворот!

Гу Тин, забыв о своих мыслях, вскочил на ноги.

— Невозможно!

В воздухе на мгновение повисла тишина.

Гу Тин, опомнившись, прикрыл рот кулаком и кашлянул.

— Я имею в виду, князь-защитник Севера ведь на границе сражается с врагом? Как армия северных Ди могла прорваться?

В этой затянувшейся войне ситуация менялась каждое мгновение, и Цзююань действительно был в опасности, враг действительно подходил к его стенам, но не сейчас! Не так рано!

Дун Чжунчэн тоже не понимал.

— Может, это не Ди? Но в это время года кто ещё может напасть на Цзююань?

У Фэн тоже разволновался.

— Может, пойдём посмотрим, по дороге разберёмся!

Гу Тин тут же накинул тёплый плащ и вместе с Дун Чжунчэном и У Фэном вышел на улицу.

Они шли по переулкам, и атмосфера в городе становилась всё более напряжённой. На улицах появлялось всё больше солдат в доспехах. У городских ворот уже стояли стройные ряды городской стражи. Замедляющийся снегопад опускался на их плечи, на холодные доспехи и мечи, перелетал через высокие городские стены и падал на другую сторону. А там, по ту сторону, стояли ряды вражеской кавалерии, гремели боевые барабаны, готовясь к штурму.

Враг действительно был у ворот!

Гу Тину не нужно было даже смотреть, он по звуку понял, что врагов много. Они действительно пришли! Но почему? Почему раньше времени?!

Гу Тин запаниковал. Слишком многое не совпадало с тем, что он знал из прошлой жизни. Может, тогда он слышал слишком много слухов, и многое было неправдой. А может, потому что он, возродившись, своими, пусть и незначительными, действиями изменил начало, а значит, и конец.

Можно ли теперь полагаться на «опыт» прошлой жизни? Принесёт ли его уверенность в своих «знаниях» победу и удачу? Или это лишь самонадеянность, попытка остановить колесницу голыми руками? Может, впереди его ждёт не радость победы, а предрешённая, неотвратимая и ещё большая катастрофа?

Сердце бешено заколотилось, ладони мгновенно вспотели. Гу Тин крепко сжал край своей одежды, его охватили сомнения, и он не знал, что делать дальше.

Ряды солдат быстро двигались, их командир, мужчина средних лет, непрерывно отдавал приказы. Солдаты строились, расходились, шли на восток или на запад, с копьями или со щитами. Битва вот-вот должна была начаться, атмосфера была напряжённой до предела. Но никто не боялся. Взгляды всех были полны стойкости и отваги. Возможно, скоро они погибнут на этих стенах, но в этот миг они были бесстрашны, и в тот миг они не пожалеют ни о чём. Ради этой земли они были готовы на всё!

Вокруг не было тихо: шаги солдат, скрип тетивы, грохот вражеских барабанов — всё это заставляло сердце трепетать. Но, как ни странно, сердце Гу Тина успокоилось.

Он не знал, кто этот командир, не знал, откуда эти солдаты, но он знал одно — это были люди Хо Яня. Дисциплинированные, организованные. Никто из них не боялся. Они, стоявшие лицом к лицу с вражеским клинком, лицом к лицу со смертью, не боялись. Почему же он должен бояться?

В худшем случае всё будет так же, как в прошлой жизни!

Но раз уж он здесь, он не допустит, чтобы произошла такая трагедия. Даже если он сможет спасти хотя бы одного, это уже будет победа!

Он потёр лицо, его взгляд стал решительным. Он верил в себя и верил в Хо Яня. На этот раз не должно погибнуть так много людей. Он будет бороться!

В заброшенном храме, укрытом от ветра и снега, Мэн Чжэнь услышал барабанный бой. Это направление... неужели Цзююань в опасности?! Он вскочил на ноги и подбежал к выходу, но он был уже слишком далеко, а метель слишком сильной — он ничего не мог разглядеть.

На его спину легло что-то тёплое — ему набросили на плечи толстый меховой плащ. Огненно-

рыжий лисий мех, такой густой, но при этом мягкий и лёгкий, он идеально лёг на его плечи. Огромный воротник обрамлял его маленькое лицо, делая кожу ещё белее, а подбородок — ещё изящнее.

Мэн Цэ широким жестом обхватил его вместе с плащом и отнёс обратно в храм, усадив у огня.

— Это чужие дела, другие сами разберутся. Здесь сквозняк, не простудись.

— Но Гу Тин не чужой...

Мэн Чжэнь с трудом высвободил из-под плотного меха руки и умоляюще посмотрел на брата. Его большие глаза, казалось, говорили сами за себя.

Мэн Цэ, взглянув на него, нахмурился, его лицо стало серьёзным.

— Нельзя.

— Но...

— Нет никаких «но».

Мэн Чжэнь медленно опустил голову и замолчал.

Атмосфера постепенно становилась гнетущей. Мэн Чжэнь послушно сидел в красном лисьем плаще, больше не капризничал и не спорил, он был очень послушным и во всём слушался брата, никогда не возражая. Но... он перестал с ним разговаривать.

— Что случилось? — Мэн Цэ взял его за подбородок, заставляя посмотреть на себя. — Обиделся на брата?

Мэн Чжэнь опустил глаза, по-прежнему не глядя на него.

— Нет.

Мэн Цэ, прекрасно знавший своего брата, хмыкнул.

— Лжёшь.

Мэн Чжэнь сжал губы, его маленькое лицо напряглось.

— Если я и обижаюсь, то только на себя. Если бы я был сильнее...

— Ребёнок, не выдумывай себе проблем.

Мэн Цэ легонько потрепал брата по круглой голове и, снова обхватив его вместе с плащом, поднял на руки.

— Пошли.

Они ехали на одной лошади. Мэн Цэ крепко прижимал брата к себе, защищая от ветра, и они снова погрузились в метель.

Они уезжали всё дальше. Постепенно и барабанный бой стих. Но стук собственного сердца, звук крови, текущей по венам, слова, сказанные другом, — сколько бы времени ни прошло, он всё ещё их слышал.

Мэн Чжэнь уткнулся лицом в пушистый мех, ему было совсем не холодно, но в душе образовалась пустота. Он маленькой ручкой сжал край одежды брата, и слёзы одна за другой стали капать, смачивая одежду Мэн Цэ.

Прости, я подлец...

Во рту появился привкус крови, из уголка губ потекла струйка. Мэн Чжэнь незаметно вытер её платком и спрятал его так, чтобы никто не увидел.

Когда они снова остановились на привал, Мэн Чжэнь был в полудрёме. Он позволил брату снять себя с лошади, уложить в тихом месте и вскоре заснул. Сквозь сон он услышал голос верного слуги брата, Чжэна Ши:

— У перевала Юньчжун, кажется, семья Чжан зашевелилась... боюсь, Цзююань в опасности...

Потом брат спросил:

— А Хо Янь?

Чжэн Ши ответил:

— Всё ещё на поле боя, не успеет вернуться. Да и далеко слишком, наверное, не услышит... Князь, мы будем вмешиваться?

На этот раз Мэн Цэ молчал дольше обычного. Наконец, он бесстрастно сказал:

— Разве не было вестей, что в наших землях беспокойно? Где нам до чужих дел?

Чжэн Ши ответил:

— Да, западные варварские племена уже двинулись. Видимо, узнали, что князь уехал, и хотят воспользоваться моментом.

— Покушаться на мой Гуцзан — смерти не боятся, — голос Мэн Цэ стал зловещим. — Ладно, иди. Я прибуду через два дня, пусть наши братья продержатся.

— Есть.

Когда Мэн Цэ обернулся, Мэн Чжэнь уже не спал.

Он не плакал и не кричал, лишь сидел, обняв одеяло и прислонившись к стене. Его глаза были очень, очень спокойными.

— Гу Тин... в опасности?

Мэн Цэ подошёл и заботливо укутал брата в плащ.

— Делами Цзююаня займётся Хо Янь.

— Но ты же сказал, что князь-защитник Севера на поле боя и не успеет вернуться? — Мэн Чжэнь маленькой ручкой крепко вцепился в рукав брата.

Мэн Цэ мысленно вздохнул и погладил брата по голове.

— Я не могу вмешиваться в дела чужих земель.

Мэн Чжэнь сжал губы, его глаза затуманились, но он смотрел прямо на брата.

— Тогда почему не послать весточку? Даже этого нельзя?

— Ты ещё мал, не понимаешь, — Мэн Цэ посмотрел брату в глаза. — Дело не в том, что нельзя, а в том, что её не доставить.

Война опасна, местонахождение главнокомандующего постоянно меняется, чтобы избежать покушений. Много держится в секрете, и к любой информации извне относятся с большим подозрением, иначе легко попасть в ловушку врага. Он и Хо Янь уже не были такими близкими

друзьями, как раньше, когда они могли говорить обо всём и ничего не опасаться. Если он сейчас пошлёт весточку, его люди вряд ли смогут найти Хо Яня. А даже если, пройдя через все инстанции, она и дойдёт до него, то за это время Хо Янь и сам уже всё узнает по своим каналам.

К тому же, он — князь Гуцзана, его положение особое. Если весточка дойдёт до Хо Яня — хорошо, а если её перехватят, то в опасности окажутся они сами.

— Хо Янь вырос и стал тем, кем стал. «Яма на поле брани» — это не просто прозвище. Ты должен ему верить.

Мэн Чжэнь сжал губы.

— Но что, если? Что, если Хо Янь не получит весточку вовремя? Гу Тин ведь будет в опасности?

Мэн Цэ ответил:

— Такой возможности нет.

Мэн Чжэнь упрямо настаивал:

— Ответь мне, есть ли такой шанс? Есть ли возможность, что Гу Тин в опасности?!

Мэн Цэ смотрел на брата и молчал.

Мэн Чжэнь замер.

Он опустил голову, уткнувшись лицом в колени, его голос срывался.

— На самом деле, в тот вечер я слышал ваш разговор с Гу Тином. Я рано заснул, но быстро проснулся и хотел пойти к тебе, но случайно услышал... Шесть лет назад ты смотрел и не помог, проявил бессердечие и жестокость, и ваша с Хо Янем дружба рухнула. И всё это из-за меня.

— Ты... — Мэн Цэ с болью в сердце погладил брата по спине. — Это было не из-за тебя. Я бы и так не пошёл. Я дорожу своей жизнью.

— Ты лжёшь.

Мэн Чжэнь вдруг поднял голову, его глаза были красными, он смотрел упрямо и настойчиво.

— Ты с детства никогда не делал ничего дурного, ты был честен и благороден, мечтал стать героем. Если бы не я, даже если бы впереди были опасности, даже если бы это угрожало твоей жизни, ты бы обязательно пошёл.

Он закрыл лицо руками, и слёзы потекли сквозь пальцы.

— Так много всего... всё из-за меня. Ты говоришь, что ты подлец, но нет, на самом деле подлец — это я. Ты должен был стать великим правителем, но всё это грязное пятно на твоей репутации — из-за меня, твоё нежелание стремиться вверх — из-за меня, всё твоё падение — из-за меня.

При мысли о том, сколько людей погибло шесть лет назад из-за него, Мэн Чжэнь задрожал. В горле у него запершило, и он закашлялся кровью.

Мэн Цэ, сгорая от боли, обнял брата, похлопывая по спине, и стал вытирать кровь платком.

— Все мои решения — это мой собственный выбор. Тебе не нужно нести это бремя и мучиться из-за меня.

Мэн Чжэнь, заливаясь слезами, спросил:

— И поэтому ты всё несёшь один?

Хотя в этом была и его вина, его ошибка!

— Всё, что я делаю, я делаю лишь для того, чтобы защитить нашу резиденцию, чтобы ты мог расти счастливым и быть собой, — голос Мэн Цэ был низким.

Быть собой... да?

В чистых глазах Мэн Чжэня отражался свет свечи, но они сияли ярче любого пламени.

Кажется... он что-то понял.

На следующее утро Мэн Цэ проснулся и обнаружил, что брата нет. Рядом лежало лишь письмо.

<http://bllate.org/book/15878/1588162>